

НИЯЗКУЛИ АЛ-ЛЕБАБИ АТ-ТУРКМЕНИ – ЗНАМЕНИТЫЙ ШЕЙХ ОРДЕНА МУДЖЕДДИДИЕ-НАКШБЕНДИЕ

Мурадгелди Соегов *

Sheyh of Mujeddids-Nakshbendists Niyazkuli Halife al-Lebabi at-Turkmeni (?-1821) came from Eastern Turkmenistan and hold a high post in Buhara emirat. Being a spiritual mentor of the Emir he began and always supported the reformation in Muslim education system. Thereby, he with A. Kursavi and with his other followers prepared the favourable ground for origin the Jadid movement in future spread in the beginning of the twentieth century to the several sides of the social life of Turkic people.

Key words: Turkmens of Bukhara, Tariqa, the Emir, madrasa, master, intercession, reforms in Muslim education.

NIYAZKULU EL-LEBABÎ ET-TÜRKMENÎ, MÜCEDDEDİYE-NAKŞİBENDİYE TARİKATININ MEŞHUR ŞEYHİDİR

Doğu Türkmenistan doğumlu Niyazkulu Halife el-Lebabî et-Türkmenî (?-1821), Müceddediye-Nakşibendiye tarikatının meşhur şeyhi, yazar ve şair olarak Buhara'da en yüksek dinî görevde bulunmuş ve Buhara Emirinin manevî üstadı olarak tanınmıştır. Türkmen taliplerin tahsil görmeleri için Buhara'da kendi parasına 'Çar (Dört) Minare' medresesini kurduran Niyazkulu Halife, Tatar Ebunâr el-Kursavî ve diğer öğrencileriyle beraber daha sonra, 20. yüzyılın başlarında Türk halklarının sosyal hayatında önemli rol oynayan Ceditçiliğin meydana gelmesi için zemin hazırlamıştır.

Anahtar kelimeler: Buhara Türkmenleri, tarikat, Emir, medrese, üstat, tarafında bulunmak, Müslüman eğitimindeki reformlar.

Шейх братсва муджеддидистов-накшбендистов Ниязкули Халифе ал-Лебаби ат-Туркмени (?-1821), являясь выходцем из Восточного Туркменистана и занимая высокое положение в Бухарском эмирате, будучи духовным наставником самого эмира начал и постоянно поддерживал реформаторства в мусульманской образовательной системе. Тем самым он совместно с А. Курсави и другими своими воспитанниками подготовил благодатную почву для возникновения в будущем прогрессивного джадидского движения, охватившего уже в начале XX века многие стороны общественной жизни тюркских народов.

Ключевые слова: туркмены Бухары, тарикат, эмир, медресе, наставник, заступничество, реформы в мусульманском образовании.

В общественное сознание туркмен в течение многих лет, особенно после издания в 1926 году первых поэтических сборников поэтов-классиков XIX века Сейитназара Сеиди

* Muratgeldi SOYEGOV, Академик Академии наук Туркменистана, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Национального института рукописей АНТ. msoyegov@gmail.com

и Курбандурды Зелили [Сеиди 1926; Зелили 1926], настойчиво насаждался образ Бухарского эмира Хайдара (Мирхайдара) как чужестранного правителя-злодея и кровопийца, ярого врага туркменского народа, против войск которого сражались храбрые джигиты-туркмены под руководством поэта-патриота Сейитназара Сеиди. Но это может составлять, и то с большими оговорками, лишь половину исторической правды, и не больше. Вторая ее половина заключается в том, что эмир Хайдар очень часто выступал покровителем ученых и поэтов своей страны. Среди них было немало выдающихся туркмен, поданных Бухары. Об одном из них кратко рассказывается в данной статье.

По словам татарского ученого и богослова Шихабеддина Марджани (1818–1889), когда в 1236 году хиджри (соответствует к 1820 или 1821 году по христианскому летоисчислению) умер этот туркменский шейх, присутствовавший в трауре по случаю его кончины эмир Бухары Хайдар (правил в 1800–1826 гг.) сказал: «Был в Бухаре два эмира. Теперь остался один из них». Ибо эмир Хайдар считал покойного своим духовным наставником. В свое время еще отец Хайдара эмир Шахмурад брал у него уроки чтения Корана и обучался также другим предметам и должен был часто посещать его вечером и ранним утром. Шахмурад назначил его на должность проповедника (хатиб) пятничной мечети Бухары (месджид-и келан). Шейх, которого называли Пир-и дестгир («Наставник-хранитель») и ат-Дервиш аш-шереш («Благородный дервиш»), оставался в этой должности в течение без малого 30 лет (то есть как при Шахмураде, так и при эмире Хайдаре) вплоть до своей смерти [Кюгельген 2001, с. 311]. А Шихабеддин Марджани обучался в свое время в Бухарском медресе «Чар минар» (Рис. 1) у сына того же туркменского шейха – мудеррисе Убайдуллахе (умер в 1269/1852-53 г.).

С учетом материалов последних работ западноевропейских ученых Анке фон Кюгельген (Берн, Швейцария) и Михаэля Кемпера (Амстердам, Нидерланды) уточняем [См.: Кюгельген 2001, с. 308–314; Кемпер 2008, с. 315, 325]: Его полное имя гласило как Абу Салих Мухаммед Ниязкули б. Шахнияз б. Балта-суфи ал-Халаджи ал-Лебаби ат-Туркмени ал-Бухари ал-Хорасани ан-Ниязи. Среди туркмен он был знаменит просто как Язгулы халыпа/Ниязгулы халыпа, а также некоторыми другими народными именами и религиозными санами. В своих поэтических сочинениях он сам обычно назывался тахаллусом Ниязи, а в прозе чаще всего – Туркмени. Его другими разными нисбами – тахаллусами пользовались в основном после смерти самого шейха Ниязкули в своих работах его ученики и многочисленные последователи.

Татарский исследователь Айдар Хабутдинов свою статью «Лидеры нации: Габдуннасыр (Абу Наср) Курсави — татарский Лютер», опубликованную в журнале «Идель», начинает следующими словами: «Каждое реформаторское движение имеет своего отца-основателя. Его взгляды настолько противоречат позициям современников, что он уходит с горсткой учеников в будущее, не понятый своими современниками. Только его победившие последователи через многие годы возносят личность основателя движения на пьедестал. Но тогда безжалостное время уже стерло черты первоначального облика, превратив реального человека в легенду» (цитировано по сайту «Татарская электронная библиотека» в Интернете). Эти слова ученого, написанные о А. Курсави, можно с уверенностью отнести и к его учителю – Ниязкули ал-Лебаби ат-Туркмени.

Действительно, знаменитый татарский религиозный реформатор, тонкий знаток мусульманского права, талантливый педагог и философ Абу Наср (Габдуннасыр) ибн Ибрахим ибн Ярмухаммад ибн Иштирак ал-Курсави (1776–1812) получил по тем временам превосходное образование, обучаясь в бухарском медресе «Чар Минар» (другое название: «Медресе Халифе Ниязкули»). Оставленное последующим поколениям

рукописное наследие А. Курсави содержит более десяти сочинений, хотя он умер сравнительно молодым, не достигнув даже 38-летнего возраста [См. еще: Соегов 1999].

Современный татарский ученый А.Н. Юзеев в разделе «Реформаторские взгляды А. Курсави» своей книги, посвященной «Философской мысли татарского народа», пишет, что в Бухаре «А. Курсави проходит курс обучения у известного ученого-суфия накшбендийского тариката шейха Ниязкули ат-Туркмени», но «шейх ат-Туркмени не смог его обратить в число приверженцев суфизма, хотя после четырех лет обучения А. Курсави даже получил у него иджазу – разрешение быть суфийским наставником» (здесь и далее нами несколько уточнено правописание личных имен – М.С.). А.Н. Юзеев, ссылаясь на соответствующие труды Ш. Марджани, отмечает также, что «в 1808 году А. Курсави оказывается на медресе у эмира Бухары Хайдара б. Масума ал-Мангыти (прав. 1800–1826) окруженный своими противниками-традиционалистами, требующими смертной казни (только шейх Ниязкули ат-Туркмени вступился за него). Под угрозой казни его заставляют отказаться от своих убеждений... После этих драматических событий А. Курсави отправляется в Хиву» [Юзеев 2007, с. 66 – 67].

В отличие от А. Курсави, письменные труды и практическая работа которого в последующем постоянно находились и находятся в центре внимания ученых, многие вопросы жизни и деятельности его наставника и заступника до настоящего времени остаются в нашей стране мало разработанными или неразработанными вовсе. Так, например, не установлена до сих пор дата его рождения, исследователями выявлены не все его труды, которые хранятся в рукописных фондах Ашхабада, Ташкента, Казани, Санкт-Петербурга и других городах мира, остаются пока не изученными уже известные ученым произведения и другие вопросы, связанные с его наследием.

Первым из туркменских ученых, писавших о нем еще в двадцатые годы XX века, был Абдулхеким Кульмухаммедов (1885–1931) – видный ученый-литературовед, писатель и поэт. В его последней и бесценной книге на русском языке «Материалы по Среднеазиатским литературным памятникам», изданной в Ашхабаде в 1931 году, находим несколько подробных сведений по интересующему нас вопросу. Из данной работы явствует, что наиболее полное имя знаменитого туркменского мистика, наставника А. Курсави было Ниязкули ибн Шахнияз ибн Балта Суфи. Из работ других авторов узнаем, что он был знаменит также под другими своими именами: Ниязкули ат-Туркмени, Ниязкули Халифе, Ишан Туркмени, Халифе Ниязкули, Хезрети Ишан, Ниязкули Ишан. Свои поэтические произведения на туркменском и персидском языках Ниязкули писал под нисбой Ниязи. Отдельные его изречения были переписаны сравнительно поздно: например, в 1915 году включенные в сочинение Назармухаммеда Бадахшани Хусейни. В туркменской научной литературе встречаются отдельные отрывки из его поэтических произведений.

Родом он происходил из туркменского племени эрсари (арсары), колена гызылаек (Халачский этрап современного Лебапского вelayата Туркменистана). Далее А. Кульмухаммедов пишет: «Прославился он в Бухаре в конце XVIII и начале XIX вв. в период правления Мир-Масума-шах-Мурада и его сына Мир-Хайдара. В период правления Эмир-Данияла приехал он в Бухару, где получил высшее образование. Сперва он был мюридом Идрис-Ишана (из племени эрсари, рода кылгысты), затем мюридом Мусахана Дехбиди (Самаркандский области). В 1222 г. хиджри – 1807 г. н.э. Ниязи построил в Бухаре медресе» [Кульмухаммедов 1931, с. 44]. Это было новое здание мечети и медресе «Чар Минар» с жилими комнатами (хюджре), рассчитанные на 50 талибов, которое среди народа имело название «Медресе Халифе Ниязкули». В начале XX века в

нем работали преподаватели-прогрессисты Дамулла Ибрахим Мудеррис и Дамулла Икрам Мудеррис – стойкие последователи Ниязкули ат-Туркмени. Примерно в это время, а именно перед выездом в Стамбульский университет, там обучался и сам А. Кульмухаммедов – автор цитированной выше книги.

Из числа учеников Ниязкули Ишана, наряду с А. Курсави, вышли также другие видные личности, такие как: туркменский поэт Абдуррахман Зинхари (1790–1878) и святой Ак Ишан, гробница которого находится в Бахарлинском этрапе (бывший Бахарден), и он до настоящего времени пользуется большим почитанием у всего населения Ахалского ваята Туркменистана. Не случайно французский ученый Thierry Zarcone в своей работе «Суфийские движения в Татарстане и Средней Азии в XX веке», помещенной в 19-м томе энциклопедии “Türkler”, упоминает Ниязкули ат-Туркмени как признанного всеми пира (наставника) приверженцев накшбендизма в XVIII–XIX веках [Zarcone 2002, с. 47].

Из статьи Гульнары Идиятуллиной, опубликованной в первом номере журнала «Минарет» за 2004 год, узнаем, что у шейха Ниязкули Туркмени кроме А. Курсави был также ряд других учеников-татар (цитируется по варианту в Интернете): «Духовные искания, стремление к нравственному совершенствованию приводят его (А. Курсави – М.С.) к шейху Ниязкули Туркмени (ум. 1820/21). Представитель тариката накшбендия-муджеддия, шейх был известен как поборник чистоты Ислама, строгого соблюдения Шариата и, благодаря безупречной репутации, пользовался в Бухаре огромным почтением. Будучи его мюридом, Курсави в окружении шейха встретил многих своих соотечественников, впоследствии ставших близкими друзьями, приверженцами и популяризаторами его учения, которое назовут «маслак (путь) Курсави». За четыре года, проведенные в общении с шейхом, окончательно установились его взгляды, оформилось мировоззрение». Тот же автор в другой своей статье, опубликованной в журнале «Минбар» за 2008 год под названием «Развитие татарской общественной и богословской мысли в XVIII в.» точно определил количество его учеников: «Шейх Туркмени был наставником по меньшей мере четырнадцати человек, многие из которых стали затем преподавателями медресе». Как свидетельство об известности и глубоком почтении, которыми пользовался шейх Ниязкули среди татар, далее автор приводит следующие строки его воспитанника поэта Абу-л-Маниха Каргалый (ум. после 1833 г.) [Идиятуллина 2008, с. 34]:

*Нам-е Ниязколий, моришид-е заман
Торекмәни дию мэгъруф-е жиһан
‘Имя его – Ниязкули, наставник эпохи,
Туркмени – известно всей Вселенной’.*

Действительно, Ниязкули Ишан Ниязи пользовался в Бухаре чрезвычайным авторитетом. В качестве примера А. Кульмухаммедовым описывается известное уже нам из работ Ш. Марджани следующее событие: Умер Ниязкули Ниязи в 1236 г. хиджри – 1821 г.н.э. Бухарский правитель Мир-Хайдар лично присутствовал на его похоронах, где выразился, что в Бухаре было два эмира, из коих один умер, а один остался. Здесь он подразумевал покойного. Из этих слов бухарского правителя можно заключить, насколько велико было в Бухаре влияние Ниязкули-ишана [Кульмухаммедов 1931, с. 45]. Он был захоронен в известном в Бухаре кладбище, где покоились тела таких знаменитостей прошлого, какими являются Ходжа Исхак, Махтум Намангани и многие другие.

Случай с А. Курсави в Бухаре в 1808 году, приведенный нами выше по книге А.Н. Юзеева, А. Кульмухаммедов излагал кратко и в несколько ином контексте: «Ниязи был покровителем целого ряда либеральных ученых, живших в то время. К числу таковых относился известный татарский ученый Абу Наср ал-Курсави, обвиненный в атеизме в Бухаре в период правления Мир-Хайдара. Благодаря содействию Ниязкули-ишана, последнему удалось спастись из Бухары бегством» [Кульмухаммедов 1931, с. 44 – 45]. В кандидатской диссертации М. Аннамухаммедова «Из истории литературы Восточного Туркменистана в XIX веке: Зинхари, Аллахи, Шукури», которую он защитил в 1966 году, и в его очерке «Ниязкули Ниязи», включенном во второй том (книга вторая) «Истории туркменской литературы» (Ашхабад, 1976) наряду с некоторыми другими данными, в основном, приводятся те же сведения, которые содержатся в указанной книге А. Кульмухаммедова.

В цитированной выше статье Гульнары Идиятуллиной находим более подробное описание упомянутого выше события с изложением основных его этапов и причин: «По прошествии некоторого времени Курсави вновь отправляется в Бухару... Бухарские улемы считали обязательным придерживаться одного из мнений ученых прошлого, что число божественных атрибутов – семь или восемь, однако Курсави не поддерживал их. Единственный путь, утверждал он, заключается в использовании по отношению к Богу тех определений, которые были даны Им Самим в Коране. В Коране же не говорится об ограничении их каким-либо числом и не устанавливается различие между сущностными и несущностными атрибутами Бога. Взгляды Курсави вызвали острое недовольство определенной части бухарских улемов. Устроенное в месяце сафар (апрель) 1808 г. по этому случаю собрание (меджлис), на котором присутствовал сам эмир Хайдар, ставило целью выяснение богословских убеждений татарского улема. Итогом стало издание фетвы (богословско-правовое заключение), согласно которой любой мусульманин, не признававший семь или восемь божественных атрибутов, считался вероотступником и подлежал смертной казни. Фетва была подписана видными улемами и муфтиями, включая эмира. Однако, несмотря на фетву, казни Курсави не последовало. Шейх Ниязкули открыто выступил в защиту своего ученика и даже угрожал возмутить народ против эмира, если тот немедленно не освободит его. В итоге мятежного улема вынудили отречься от своих слов, сочинения его были публично сожжены, улицы Бухары огласились криками о запрещении под страхом смерти держать у себя в доме эту «крамолу». Курсави по совету шейха тайно бежал из города».

В этой связи здесь хотелось бы в форме лирического отступления специально констатировать, что в результате необоснованной репрессии в годы сталинизма видных ученых, писателей и других деятелей национальной культуры, в том числе А. Кульмухаммедова, многие страницы истории духовной культуры туркменского народа были незаслуженно забыты. К ним постепенно стали возвращаться лишь после «хрущевской оттепели». Но упущенное туркменскими учеными было нелегко наверстать, особенно в области изучения истории религии и суфизма, в целом, и жизни и деятельности Ниязкули ат-Туркмени, в частности. Приобретение Туркменистаном государственной независимости, особенно возобновление своей работы в 2007 году Академии наук Туркменистана ознаменовалось началом нового этапа в развитии туркменской науки.

Изложенные выше данные позволяют утверждать, что, являясь «покровителем целого ряда либеральных ученых», в первую очередь был таковым сам Ниязкули-ишан Туркмени, и он является важной фигурой в истории развития религиозного

реформаторства в Средней Азии и Поволжье в XVIII–XIX веках. Об этом свидетельствует, в частности, работы отдельных турецких авторов.

Турецкий ученый Ahmet Kanlıdere в своей статье, опубликованной в 1997 году, также считает Ниязули Ишана ат-Туркмени шейхом братства муджедидия, которое является реформаторским ответвлением накшбендийского тариката [Türkiye 1997, с. 94]. Основали муджедидие, позднего накшбендизма, уроженец Ренджаба, шейх Гулам-Али Абдуллах Делхеви и его последователь Рауф Ахмет Муджедиди в Индии. Именем последнего в последующем названо данное реформаторское ответвление накшбендийского тариката [См. еще: Соегов 2000]. Следует особо отметить, что слова «муджедидие» и «джадидизм» в арабском языке имеют общий корень.

Небезынтересно будет узнать, что муджедидие, основанное в Индии, нашло своих приверженцев в Средней Азии в XVIII–XIX веках в лице Ниязули-ишана ат-Туркмени и его учеников, а тарикат кубравия, который основал великий шейх из Кунья-Ургенча Неджеддин Кубра (1145–1221) в XII-XIII веках, в настоящее время, согласно данным посольства Индии в Ашхабаде, имеет очень широкое распространение среди индийских мусульман. После создания шейхом Бахаведдином Накшбенди (1319–1389) в XIV веке нового тариката в Бухаре, существовавшие до этого в Средней Азии тарикаты (ясавие, кубравие и другие) вошли в его состав и растворились в нем, имея общее название накшбендие (накшбендизм) [См. еще: Söyegov 2000].

Среди туркмен, особенно лебапских и марыйских, до настоящего времени живы рассказы о чудесах, сотворенных Ниязули Ишаном. Одна из таких легенд, которую записал и опубликовал на страницах периодических изданий фольклорист Умюр Эсенев, посвящена истории как не просвещенные невежды устроили странную проверку святости тогда еще молодого ишана. Они в тайне от ишана приготовили плов из риса и кошачьего мяса и подали на его стол. Ниязули Ишан не стал есть плов, а кончиком своего среднего пальца постукивал об край тарелки с полным гарниром из риса и жаренного кошачьего мяса, тихо сказав при этом: «Встань, божья тварь, и уходи прочь!». Рассказчики уверяют, что после этого, действительно, кошачье мясо заново превратилось в большого живого кота, который быстро выпрыгнув из тарелки, мяукнув, ушел прочь [См. еще: Söyegov 2004, с. 1–5]. Все это говорит о том, что историческая личность Ниязули Ишана оставила в народной памяти глубокий след и, в последующем, став фольклорным материалом, превратилась в легендарно-религиозный образ.

Ниязули Ишан ат-Туркмени, являясь шейхом муджедидистов-накшбендистов, носил также высший религиозный титул Бухары – сан «Халифе», который соответствовал титулу «Шейх-ул-Ислам» в Османской империи. Практически он был вторым лицом после правителя-эмира. Несмотря на занимаемое высокое положение в государстве, он не был высокомерным человеком. Ходил пешком по селам и городам страны, встречался с простыми единоверцами, прислушивался к нуждам и чаяниям народа. Содействовал открытию на местах новых мектебов и медресе. Каждый год, выезжая из Бухары, определенное время жил в родном селе Кызылаяк, что на правом побережье Амударьи. В подобие древним огузским камам-шаманам и в отличие от других мусульманских мистиков, он ходил среди народа в национальной мужской одежде, которую носили туркменские аксакали-яшули. Об этом и некоторых других сторонах жизни Ниязули Халифе рассказывается в одноименной большой статье современного религиозного деятеля, переводчика Корана на туркменский язык Ходжа-Ахмеда Ахуна, которая была опубликована на страницах июльских и августовских номеров газеты «Watan» за 1997 год.

Наслышанный о славе шейха Ниязкули Ишана однажды из Западной Туркмении к нему в Кызыляк приехал сам Махтумкули Фраги (1733– 1812) – великий туркменский поэт-классик. Дошедшая до нас народная молва гласит: их непосредственная встреча по неопределенной причине не состоялась, но состоялась между ними заочная переписка в стихах. Сохранилось из этой переписки только одно стихотворение Махтумкули Фраги в рукописном варианте. Существует разного рода легенды, порою взаимоисключающие, которые содержат рассказы об отношениях этих двух великих туркмен между собой [См.: Соегов 1998].

Из суфийской поэзии Ниязкули Ниязи характерным является следующее его двустишие, которое посвящено Всевышнему (подстрочный перевод наш – М.С.):

***Ей жемалын бир гёруб, хайран-и зар болдум санга,
Мубтелалык шиддетинден бимыдар болдум санга.***
*‘О, увидев твой бесподобный лик лишь однажды, в единственный раз,
Я могучей силой привязанности навсегда и тяжело заболел тобой’.*

Ниязкули ат-Туркмени был не только большим суфийским поэтом, превосходными являются также его переводы из персидской поэзии, особенно стихов великого шейха Мевлана Джелал-ед-Дина Руми (1207–1273), основателя тариката мевлевие в XIII веке в г. Конья (Турция). Рукопись одной небольшой поэмы Джелал-ед-Дина Руми в переводе Ниязкули Ниязи на старотуркменский язык А. Кульмухаммедов приобрел у амударьинских туркмен (современный Лебапский вelayat) летом 1928 года и включил ее описание в упомянутую выше книгу [Кульмухаммедов 1931, с. 44–45], изданную в Ашхабаде в 1931 году на русском языке. Другая рукопись данного произведения в свое время была увезена в Санкт-Петербург акад. А.Н. Самойловичем (1880–1938). В настоящее время список, приобретенный А. Кульмухаммедовым, хранится в Национальном институте рукописей Академии наук Туркменистана (инв. Е 45) и представляет собой всего 208 строк месневи, написанных почерком насталик на семи страницах самаркандской бумаги. В последних строках находим необходимые сведения об их авторе, переводе и переводчике (подстрочный перевод наш – М.С.):

***Битмиш эрди фарси молла-и Руми,
Мунга ажиз гелерлер Турк кавми.***
*‘Написал это произведение мулла Руми на фарси,
Поэтому тюркский народ бессилен в понимании его’.*

***Муны асан кылыбдур Турк илиге,
Мубеддел кылдым аларнын тилиге.***
*‘Я сотворил легкость для тюркского народа,
Переведя данное произведение на их язык’.*

***Гариб мисгин Ниязи: «Йа Илах-а!
Ки кылма шерм-и сари ушбу дунйага!».***
*‘Молвит бедный и несчастный Ниязи: «О, Единосушный!
Не дай опозориться мне пред этим бренным миром!»’.*

Полностью данная поэма Джелал-ед-Дина Руми, которая переведена в свое время Ниязкули Ниязи на старотуркменский язык, была опубликована нами с соответствующим предисловием в двух номерах еженедельника «Zaman–Türkmenistan» от 21 и 28 августа 2004 года под названием «Ummatum», а затем в 2010 году в Турции на страницах Е-журнала «Zeitschrift für die Welt der Türken» (ZfWT) как приложение к своей статье «Bir Mevlana mesnevisinin Buhara’da yapılan Eski Türkmençe çevirisi, çeviricisi ve araştırmacısı» [Söyegov 2010, с. 38–59].

Следует специально оговорить, что почти для многих авторов цитированных выше работ, особенно для туркменских ученых, основным источником сведений о Ниязкули Ниязи ат-Туркмени послужили всего две книги, а именно: «Тухфет аз-за’ирин» Наср-ед-Дина ал-Ханафи ал-Хусайни ал-Бухары (Новая Бухара – Каган, 1910) и Сборник, посвященный столетию со дня рождения Шихабеддина Марджани и изданный в Казани в 1915 году. Но имеются другие ценные, но еще неизданные, источники. Так, например, Анке фон Кюгельген об одной из таких очень полезных рукописей, в частности, пишет, что «отдельные черты чтеца Корана и адепта Муджаддиди Нийазкули (Пир-и дастгир, ум. в 1238/1820-21 г.) вырисовываются при чтении *Макамат-у хазрат-у миан халифа Нийазкули*. *Макамат* является собранием описаний достоинств, а также принадлежащих ему сентенций и наставлений... Они записаны его учеником Мухаммад-Назар Бадахшани Хусайни с целью оправдания Нийазкули от клеветнических измышлений недоброжелателей и сохранения его «священных слов» в качестве проявления божественного знания» [Кюгельген 2001, с.]. Немало сведений о нем содержат также рукописи подробной агиографии «Лутф-и бузург», составленной в 1258/1842 году Мир Саадаталлахом.

Как следствие не изученности личности и наследия Ниязкули ат-Туркмени в Интернете иногда появляются рекламные сайты, например, по туризму, где набожного шейха, служителя Аллаха называют богатым торговцем-путешественником. Для наглядности приведем следующую цитату: «Интереснейший памятник архитектуры, медресе Чор-Минор («Четыре минарета») находится в северо-восточной части Бухары. Оно было построено в 1807 г. на деньги богатого туркменского торговца и путешественника Халиф Нияз-Кула, который побывал в Индии и был очень впечатлен знаменитым мавзолеем Тадж-Махал. Прибыв в родной город, он возжелал построить в Бухаре что-то подобное. Собственноручно сделав наброски, он призвал зодчих и астрономов и распорядился сделать расчеты, что бы построенное здание отвечало двум запросам. Первое – оно должно быть по звездной карте на Шелковом пути, чтобы все туркмены, торгующие и путешествующие, хоть раз в жизни пришли и остановились в нем. И вторым условием стало задание зодчим. Им вменялось архитектурными формами рассказать потомкам, что части света, как и все люди равны, что у всех одно небо над головами, под ногами одна земля, а над всеми единый Бог». [См.: <http://www.asia-travel.uz/uzbekistan/cities/bukhara/chor-minor-madrasah/> (23.11.2011)]. Тем не менее, здесь хорошо сказано о цели построения медресе. Можно с уверенностью констатировать, что именно в данном медресе обучались в свое время и Берды Кербабаяев, и Караджа Бурунов, и Мухаммет Гельдыев, и Аллакули Караханов, и Абдулла Геленов и другие деятели Туркменистана в начале XX века.

1-2 декабря 2011 года в Ашхабаде состоялась Международная научная конференция «Бахаведдин Накшбенди и суфийская литература», патронажем которой выступил Президент Туркменистана Гурбангулы Бердымухамедов. В данном научном форуме наряду с туркменскими учеными участвовали их коллеги из разных стран мира, начиная с

Кореи, Индии и Китая, кончая с Англией, США и Новой Зеландией (всего более 100 участников). Участник конференции из Узбекистана Камилджан Рахимов (г. Бухара), который выступил с интересным докладом на тему «Сравнительно-типологический анализ суфийских тарикатов (орденов) Ясавия и Накшбендия», сообщил нам, что на фундаменте медресе «Чар Минар» высечено двустороннее, принадлежащее великому Абдурахману Джами.

В заключении хочется надеяться, что в будущем научные сотрудники из числа нашей талантливой молодежи путем анализа большого количества первоисточников будут проводить более глубокие и всесторонние исследования, посвященные жизни и деятельности Ниязкули ал-Лебаби ат-Туркмени, а также вводить в научный обиход все его рукописные труды, Курсави и другими своими учениками на ниве мусульманского образования Бухары подготовил необходимую и благодатную почву для возникновения в будущем прогрессивного джадидского движения, охватившего уже в начале XX века многие стороны общественной тюркских народов. Богобоязливый джадидизм, как известно, в отличие от последующего за ним безбожного социализма, наметил своей целью не классовую борьбу, а эволюционное развитие общества и нации, а также создание и укрепление новой государственности на основе не узкоклассовых интересов, а общенациональных приоритетов. Но это тема уже для другой работы.

Литература

1. *Алмеев Р.* Основатель архитектурного комплекса Чор Минор в Бухаре Ниязкули ат-Туркмени // **Ислам в Содружестве Независимых Государств**, 2011 № 3 (4). См.: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?3141> (30.11.2011).
2. **Бахаведдин Накшбенди и суфийская литература.** Материалы Международной научной конференции. Ашхабад, 2011.
3. *Идиятуллина Г.* **Жизнь и наследие Курсави.**
<http://www.islam.ru/pressclub/histori/jinakur/>
4. *Идиятуллина Г.* Развитие татарской общественной и богословской мысли в XVIII в. // **Минбар**, № 2. Казань, 2008.
5. *Кемпер Михаэль.* **Суфии и ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством.** Казань, 2008.
6. *Кульмухаммедов А.* **Материалы по Среднеазиатским литературным памятникам.** Ашхабад, 1931.
7. *Курсави Абу-н-Наср.* **Наставление людей на путь истины (ал-Иршад ли-л'ибат).** Пер с араб. Г. Идиятуллиной. Казань, 2005.
8. *Кюгельген Анке фон.* Рассвет Накшбандийа-Муджаддидийа в Средней Трансоксании с XVIII – до начала XIX века: опыт детективного расследования // **Суфизм в Центральной Азии (зарубежные исследования): Сборник статей в памяти Фритца Майера (1912–1998).** СПб., 2001.
9. *Соегов М.* Магтымгулы Пырагы ве Ниязгулы Ныязы // **Мугаллымлар газети.** Ашгабат, 1998. № 54 (6361), 18 мая.
10. *Соегов М.* Милли билим тарыхындан: Унудылан сахыпалар // **Мугаллымлар газети.** Ашгабат, 1999. № 6 (6459), 15 января.
11. **Туркменинг атлы гошгучыларындан Сейдининг гошгулары.** Топлан ве нешир эден А. Гулмухаммедов. Ашгабат, 1926 (на арабской графике).

12. **Туркменинг мешхур гошгучыларындан Магтымгулынынг егени Зелилининг гошгуларыдыр.** Топлан ве нешир эден *А. Гулмухаммедов*. Ашгабат, 1926 (на арабской графике).

13. **Хабутдинов А. Бухарское образовательное влияние на татарскую элиту в XVIII–XIX вв.**

<http://www.portalcredo.ru/site/print.php?act=lib&id=2019>

14. **Хабутдинов А. Лидеры нации: Габдуннасыр (Абу Наср) Курсави – татарский Лютер.** <http://kitap.net.ru/habutdinov/1-2.php>

15. **Юзеев А.Н. Философская мысль татарского народа.** Казань, 2007.

16. **Söyegov M. Tasawwufyň ýol-ýodalarynda // Mugallymlar gazetini.** Aşgabat, 2000. No 129 (6738), 8 noýabr.

17. **Söyegov M. Nakşibendi Mutasavviflik Zincirinin XVIII–XIX. Yüzyıldaki Saygın Üstadı Halife Niyazkulu Türkmeni // Türk Dünyası Araştırmaları dergisi.** İstanbul, 2004. Şubat. Sayı: 148.

18. **Söyegov M. Bir Mevlana mesnevisinin Buhara’da yapılan Eski Türkmençe çevirisi, çeviricisi ve araştırmacısı // Zeitschrift für die Welt der Türken (ZfWT) Vol. 2. No 3 (2010).**

19. **Türkiye Günlüğü Dergisi.** No. 46. Ankara, 1997.

20. **Zarcone Thierry. XX. yüzyılda Tataristan’da ve Orta Asya’da Tasavvufi Hareketleri // Türkler Ansiklopedisi.** Cilt 19. Ankara, 2002.

Иллюстрация к статье:

Сохранившая часть мечети с медресе «Чар-Минар», построенной в 1807 году в Бухаре за счет средств Ниязкули ал-Лебаби ат-Туркмени